

ИВАН МИТРАЙКИН

ЭКСПОНАТ

**ПРАВДИВЫЕ ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ
ПРОИЗОШЛИ В ДАЛЁКОМ БУДУЩЕМ**

Иван Митряйкин

Экспонат

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69593800

SelfPub; 2023

Аннотация

Мир будущего, мир потребления. Мир бессмертных экспонатов, представленных в мировом музее на всеобщее обозрение, экспонатов, отобранных из известных людей..., людей, которые еще при жизни стали не просто известными, а великими. И вот в этом мире живет и творит писатель-фантаст по имени Сергей, известная личность XXI века, которой даровали бессмертие и поместили в музей. И теперь каждый посетитель может наблюдать за процессом написания книги, непосредственно за работой мастера. Они всё предусмотрели: у экспоната есть друзья, свободное время, имитация его любимой старой Москвы и даже женщина. Все хорошо. Но вот только они забыли спросить, а хочет ли сам писатель такого бессмертия?

Иван Митряйкин

Экспонат

Пролог

Ворота открылись, и тысячи посетителей хлынули в городок, хлынули единым потоком и разбились на ручейки, заполонили все проулки. Дома оживали – открывались двери, включались вывески, фасады делались прозрачными. По проекту, фасад должен был быть прозрачным всегда, в любое время суток. Но борцы за права Экспонатов отстаивали их личную жизнь, и теперь за ними можно было наблюдать только когда они работали. Зато добавили мониторы, которые показывали сам процесс творения, его мелкие детали. У таких домов всегда было много народа, каждому хотелось посмотреть на своих легендарных предков, достигших величия еще при жизни. Понаблюдать, как они работают и, если повезет, то купить их творение на аукционе, будь то книга, чертеж или кулинарный шедевр. Поднимаясь на специальный помост, люди пили вечный напиток из красных банок и ждали, глядя на пока еще пустые комнаты, кабинеты, мастерские. Вот-вот выйдут великие и начнут творить. Всё как всегда – народ жаждал зрелищ.

1

Сергей проснулся от гудка будильника. Подниматься не

хотелось от слова "совсем", хотелось провалиться в постели до вечера. Он же писатель, может спать сколько душе угодно и работать, когда приходит вдохновение. Но корпорация, создавшая дом, в котором ему "посчастливилось" жить, думала иначе. И не собиралась согласовывать график работы музея с теми, кого государство обязало не покидать бранный мир, а продолжать радовать людей своими идеями, мыслями и произведениями. Дом, конечно, был хорош: много места, разнообразная мебель, все удобства. Создатели изучили привычный быт своих подопечных и создали максимально комфортные условия для проживания. И ведь не тюрьма, ты можешь выходить, встречаться с друзьями, если таковые имеются. Но есть и обязанности: ты должен продолжать заниматься тем, что сделало тебя великим, легендой при жизни. Творить, удивлять. Конечно, не целый день, но определенные часы обязан отработать на публику. Все бы неплохо, но вот кофе у них дерьмовый. Могли бы для легенды и натурального привозить, а не изготовленный из переработанного сырья. Бррр. Сергею даже не хотелось думать, из какого именно сырья он сделан.

Ну что ж, работа есть работа. Сергей встал, накинул халат, вышел на кухню, нажал кнопку – и помещение наполнил аромат, сильный, вкусный. И если бы он не знал, что кофе не настоящий, то, может, и жил бы спокойно, пил эту темную жидкость с удовольствием. Но он знал. Промышленность дошла до такого уровня, что на планете не осталось ничего, что

нельзя было бы переработать. Кофемашина пискнула, и он направился в кабинет. Красная лампочка на стене подмигивала, предупреждая о готовности. Скоро начнется.

Кабинет был просторным, с книжными полками и солидным дубовым столом. На столе, помимо большого монитора, стояла уютная настольная лампа и небольшой аквариум с рыбками. У противоположной стены размещалась музыкальная система – фоновая музыка создавала настроение. Кое-где по стенам было развешено оружие и доспехи. На полках стояли книги и множество сувениров – от статуэток и писательских наград до древних печатных машинок. Книги были самыми настоящими, старыми, бумага из древесины. И непонятно, кто здесь более древний артефакт: он или они? Нет, все же он.

Сергей посмотрел на то место, где в прошлой жизни было окно. Оно могло бы быть и сейчас – современные технологии позволяли изготовить имитацию с любым видом, но Сергей отказался, решил, что окно будет отвлекать, и там появились дополнительные книжные полки. Его убрали, но осталась привычка – короткий взгляд в несуществующее окно.

Третий звонок. На панели вместо красного загорелся зеленый огонек. Всё – музейный Экспонат готов к работе.

Сергей сел, отхлебнул кофе, включил монитор и музыкальную систему. Поерзал в кожаном кресле и положил руки на клавиатуру. Чем бы сегодня порадовать зрителя, читателя

и потенциального покупателя? Что бы написать?

Его взгляд упал на фигурку мыши, оставленную на столе. А почему бы и нет? Будет вам про мышь. Про больших мышей из космоса. Интересно, современные люди поймут, о ком он пишет? Ведь нет их теперь: ни мышей, ни крыс, ни тараканов, ни других вредителей. И из-за этого многие людские беды.

Он еще раз взглянул на фигурки, расставленные на полках, на чашку с остывающим кофе. Захотелось зеленого чая. Мягко коснулся клавиатуры. Начали.

2

Спускаясь по лестнице, Сергей встретил того самого знаменитого архитектора, который создал и этот дом-музей, и несколько современных президентских дворцов, и разработал новый английский стиль. Артур – сумасшедший генератор гениальных идей. Он поднимался в свою квартиру, которая занимала почти целый этаж, и тащил под мышкой несколько листов ватмана.

Любит он все по старинке – или это для публики?

– Здравствуйте, Сергей. – Архитектор всегда был вежлив аж до тошноты и являлся единственным человеком на планете, который обращался к людям на Вы. – Отработали на сегодня?

– Здравствуйте, Артур. Да, отработал, могу отдыхать с чистой совестью. Вижу, вам инвентарь выдали. – Сергей кивнул на ватман.

Артур бережно прижал листы к груди.

– Да, привезли новую партию. – Он погладил бумагу. –

Почти ничем не отличается от настоящей.

– Поздравляю вас. – Сергей вежливо поклонился и продолжил спускаться.

– Вы слышали? – вслед ему проговорил Артур. – Одну из квартир реконструируют. Говорят, привезут кого-то из ваших коллег.

– Да, какого-то писателя из англоговорящих.

– А для чего им два писателя?

– Не два – один. Я в отпуск, уже лет пять не отдыхал.

– В запой?

– В запой.

Артур завистливо вздохнул:

– Везет вам, писателям.

Сергей скривился:

– Хотите анекдот расскажу?

– Слушаю вас.

– Кот лежит во дворе. Мимо идет хозяйка и говорит: "Везет тебе: поел, погулял, поспал – мне б такую жизнь!" А кот думает: "Детей моих утопила, жену мою стерилизовала, меня кастрировала, везет мне... Тебе б такую жизнь".

– Понятно, – вновь вздохнул архитектор. – Вы всё не привыкнете, не забудете. Сколько лет прошло?

– Много и даже больше. Не забуду. Вы, Артур идите, а то опоздаете. Зритель – он ждать не любит.

Артур кивнул и пошел вверх. Сергей посмотрел на его жалко сторбленные плечи и произнес несколько слов из тех, которые он не вставлял в тексты своих произведений. Никогда: ни тогда, ни сейчас.

3

Пластиковое покрытие тротуаров так искусно имитировало тротуарную плитку, что даже вблизи невозможно было рассмотреть разницу. Да и так называемая трава была зеленого цвета. Как они ее делают? Ведь на вид не отличить. Сергей слышал, что в современной части города трава даже с запахом, но он очень давно не ездил в современный город, ему было достаточно территории музейного комплекса.

Этот кусок хоть немного напоминал ему старую Москву, ставший ему родным город, да и людей здесь можно было встретить из разных времен. А с современными – о чем с ними говорить? Он пару раз пробовал, но всех больше интересовал именно живой Экспонат, а не живой человек. Хорошо, что власти позаботились и выделили территорию, на которую туристам вход запрещен. Тут только Экспонаты, обслуживающий персонал и люди, живущие в городке и давно привыкшие к такому количеству легенд.

Сергей поправил легкую кислородную маску и пошел по тротуару, рассматривая такой привычный старый Арбат. Хорошо, и даже неважно, что если пройти дальше, то через некоторое время окажешься уже в другом населенном пункте. Москва ведь не единственный город, где рождались и жи-

ли великие люди.

Ну а сегодня был день доктора. И Сергей шел к доктору самостоятельно. Миновал тот период – период отрицания. Первое время, когда он не только не мог писать, а вообще отказывался жить. Миновал. В ту тяжелую пору доктор всегда был рядом с ним, круглые сутки. Теперь не нужен, Сергей привык, смирился. Страшная штука привычка. Было больно и страшно. А сегодня он шел к доктору добровольно. Правда, доктор уже другой, того он пережил. А без него никак, он необходим, ведь телу нужно бессмертие, а писателю – память, эмоции. Нельзя заблокировать его воспоминания, его жизнь, его прошлое. Он должен жить и помнить. Помнить прошлое, помнить друзей, родных, помнить жену и детей. Помнить всю свою жизнь. И прошлую лучше, чем настоящую. Память – это инструмент писателя, не единственный, но один из основных. И для этого ему нужен был доктор.

Сергей зашел в прохладное помещение. Высокие двери как бы из стекла и дерева щелкнули, герметично закрываясь, и скрытые форсунки, зашипев, добавили кислорода. Сергей снял маску и с удовольствием сделал вдох. Хорошо.

Доктор прикреплял датчики, электроды, втыкал иглы в вены и говорил, он вообще всегда говорил.

– Я думал, ты придешь позже, сегодня опять был пикет. Протестующие перекрывали дорогу к клинике и ту, что ведет к офису корпорации. Ну, ты знаешь, тот, один из центральных, что на территории "Новгорода". Пять часов отсто-

яли, все договоренное время.

– Кто на этот раз?

– Последователи какого-то древнего культа, тех, кто верил в воскрешение мертвых. Ты помнишь таких?

Сергей кивнул:

– Да, таких было много, различались только в мелочах и из-за этих мелочей друг друга и убивали.

Доктор сокрушенно покачал головой:

– Надо же, дичь какая.

– Против чего протестовали? – спросил Сергей.

– Как всегда, против переработки тел умерших. Они считают, что тела надо хоронить, а не разбирать на химические элементы. Кричали, что человек за свою жизнь и так вырабатывает для корпораций очень много продуктов жизнедеятельности. Также просили не пускать эти самые "продукты" на изготовление настоящих продуктов питания.

– Вот в этом я их поддерживаю, – проговорил писатель. – Как-то хочется выпить настоящего кофе и съесть настоящего хлеба. Хотя переработка тел для меня тоже дичь полная.

– Ты не писал о таком в своих книгах?

– Писали мы о многом, но во многое не верили. Я, конечно, понимаю, что население планеты сейчас не мизерные семь миллиардов, как раньше, но все же есть предел, а мы его уже перешагнули.

– Но ведь живем! Да, кислородные маски. Но мы живем.

– Эх, а долго ли протянем? Если сопоставить скорости

прироста населения и падения уровня кислорода в атмосфере, то нам на сколько хватит? Лет на сто и все, конец.

– Может, ты и прав, – не стал затевать спор доктор. – Когда у тебя отпуск?

– Через две недели.

– Обязательно загляни ко мне перед этим, я тебя переключу на отдых. А теперь закрой глаза.

Доктор пододвинул к себе панель, нажал несколько кнопок. По конечностям Сергея пробежала судорога, глаза закатились, лекарство было впрыснуто в кровь, и он медленно уплыл в темноту. И так же медленно из нее выплыл, но уже в другом месте.

Он сидел за столом в комнате с окном и работал на компьютере. Играла музыка. В дверь постучали. Он недовольно поднял голову. Кто? Дверь открылась, и в кабинет робко заглянула жена, в ее руке была его любимая кружка.

– Ты забыл свой чай, – проговорила она и поставила на стол кружку с зеленым чаем. – Извини.

Он взял ее руку, поцеловал в ладонь.

– Спасибо, что не даешь писателю умереть от жажды.

Она рассмеялась, поцеловала его в голову и ушла, закрыв за собой дверь. Исчезли голоса детей, шум телевизора, остался лишь запах, такой знакомый запах ее тела. Сергей вдохнул его полной грудью, предвкушая ночь, и вновь застучал по клавиатуре.

Доктор сидел и смотрел на живую легенду, такую древ-

нюю, такую величественную... и такую беспомощную. Смотрел на это большое тело в проводах и капельницах, на это небритое лицо, по которому медленно текли слезы. Смотрел – и ему самому хотелось заплакать.

4

В его "Москве" было несколько баров, куда можно было сходить вечером. Там были все свои – редко кто из туристов оставался в городе после закрытия. Нет, конечно, попадались отдельные индивидуумы, но такое поведение было не принято. И хорошо. Общаться с посетителями в свободное время Сергей не хотел. По службе – да, общение с современными людьми было обязательным, ведь нельзя отставать от постоянно меняющегося языка. Но работа работой, а отдых отдыхом.

Он зашел в бар "Хайнлайн". Почему хозяин выбрал такое название, Сергей не знал, да и какая, в общем-то, разница? После процедур у доктора он всегда ощущал какое-то тяжелое послевкусие в душе. Доктор предлагал укол, чтобы хорошо выспаться, но сегодня Сергей предпочел старый русский способ. Посидеть со знакомыми, поговорить, немного выпить. Выпивка для Экспонатов лимитированная – условия договора. Никому не нужен болеющий с похмелья человек за стеклом.

В баре, стилизованном под салун начала двадцатого века, был свой кислород, и тут не требовалась маска. Современная молодежь на улице маски не носила, им кислорода хвата-

ло, а вот старики да музейные Экспонаты не могли привыкнуть к изменениям, которые как-то очень быстро произошли с планетой. И это несмотря на все старания перерабатывающих компаний, избавивших Землю от всего, до чего они смогли дотянуться, начиная опавшей листвой и кончая человеческими останками. Всё собирали, всё перерабатывали, изготавливали одежду, мебель, стройматериалы и прочее, а потом, после использования, это всё опять перерабатывали. В начале этого бума в странах третьего мира даже сняли и переработали бесполезный, по мнению компаний, плодородный слой земли. Химическая промышленность дошла до того, что из одного кофейного зерна и тонны отходов можно было изготовить тонну хорошего, по современным меркам, кофе. Это касалось и других продуктов.

Но что-то пошло не так, где-то что-то они нарушили. И за последние сорок лет уровень кислорода в атмосфере сильно упал и продолжал снижаться. Сначала грешили на перенаселенность, потом заметили изменения в растениях – те медленно, но неукротимо меняли свою структуру и вырабатывали все меньше кислорода. Кинулись сажать леса и обновлять парки. И ничего не получилось – новые деревья, кусты и трава мутировали, меняли форму, цвет и химический состав. Ученый, с которым Сергей консультировался, когда писал книгу, сказал: "Химический процесс преобразования энергии пошел в другую сторону. Этого не может быть, но это произошло". Вся зелень на планете была искусственной.

В помещениях ставили кислородные установки, но проблему в глобальном масштабе они не решали. Пока для нахождения на улице было достаточно кислородной маски, но что будет дальше? Как писатель-фантаст Сергей предположил несколько путей развития, и один, самый безумный, описал в своей книге. Но точного решения проблемы он не видел, да и не искал – он был писателем, а не ученым.

В дальнем углу, за столом, в одиночестве сидел Иван, Экспонат с первого этажа, признанный поэт. В своей реальной жизни он писал и прозу, у него даже была книга, написанная в соавторстве с Сергеем, но предкам он запомнился как гениальный поэт, и Иван получил свое бессмертие в этом образе. Перед ним стоял лимитный стакан с сильно разбавленной жидкостью.

– Чего такая бледная? – кивнул Сергей на стакан. – Лимит исчерпан?

– Я же недавно из творческого запоя, мне вообще положена только подкрашенная водичка.

Сергей поднял руку, и к ним подошла плотная деваха с грубоватым лицом. Маленьким аппаратиком она считала с руки Сергея чип и через несколько секунд принесла стакан с более темной жидкостью, чем у Ивана. Сергей хотел отлить другу, но тот прикрыл свой стакан ладонью и отрицательно покачал головой.

– Ты же помнишь, как я бухал? Район гудел! А потом женился и бросил, не пил. Тяжело было первое время, а потом

ничего, привык, и спиртного – ни-ни. Поэтому и перешел на прозу. Гениальная поэзия не может быть трезвой. А здесь этого нет, пью в отпуске чисто по привычке, да с тобой, старым другом, за компанию. Лишили меня зависимости – могу пить, могу не пить. Какой же я поэт? Память оставили, а низменных желаний лишили. Лишили этой неравной борьбы. А я без борьбы не могу писать и приходится изначально ее придумать, эту самую борьбу нафантазировать, довести себя до нужной кондиции, а потом на этой точке писать стихотворения. Да ведь и ты, – он кивнул на молчащего Сергея, – в начале карьеры не чай зеленый пил, ты потом на него перешел.

– Перешел.

– Ну вот, я и говорю. Только нет его, чая зеленого, настоящего.

– Нет. А если бы был, то все пошло бы по-другому. Я бы, почувствовав его вкус и аромат, вернулся туда, где у меня было все, а не хватало только времени.

– Ну вот, – Иван повел рукой вокруг, – вот тебе время, пиши.

– Я и пишу. Только обмен не равнозначный. Да и ладно. А ты чего хрипишь?

– Сегодня был вечер ностальгии, читал старое, революционное:

...И что же делать нам при этом?

И негр ждет, обнявшись с темнотой,

Он ждет и всем нужны ответы.

И им, и тем, и даже нам с тобой...

– Помню, помню, – кивнул Сергей и отхлебнул терпкой жидкости, оказавшейся на удивление неплохим, но не особо крепким виски. – Дерьмовые стихи. Интересно, хоть один из них понял, о чем идет речь?

– Дерьмовые, – легко согласился Иван. – Вряд ли им это важно, главное, что стихи, которым больше ста лет, им читает сам автор. Не о таком будущем ты писал, Сережа.

– Не о таком, – согласился классик и поднял стакан. – Будем.

– Будем, – как заклинание повторил Иван, посмотрел за спину Сергею, на мгновение замер и потом как-то поспешно опрокинул в себя спиртное.

– Ольга? – спросил Сергей

– Ольга, – подтвердил Иван.

Сергей медленно обернулся. Невысокая брюнетка неопределенного возраста (есть такой тип женщин, по которым нельзя понять – то ли им двадцать, то ли пятьдесят) стояла в двух шагах, скрестив руки на груди. Ольга не одобряла их выпивок, но сегодня был не тот случай, и ее нарочито строгая поза заставила Сергея только улыбнуться. Он встал, отодвинул стул, и брюнетка, для приличия поколебавшись, села рядом с Иваном, и только потом, привстав, поцеловала Сергея.

– Что, писатели, пьете? А не забыли, сколько вам лет?

– Помним. – Иван, конечно, смолчать не мог, это было не в его правилах. – Поэтому и пьем, так как память человеческая все может вместить да не все вынести.

Ольга обняла поэта за голову, прижала к себе, потрепала по волосам. Отпустила.

– Почитаешь нам стихи, поэт?

– Э, нет! – Иван смешно замахал руками. – Не подлизывайся, ты же отдала свое сердце фантазеру, вот пусть он тебе свои книжки и читает, а я, пожалуй, пойду. Удел великих поэтов – страдание в одиночестве.

Иван пошел к двери, кивнув другу на прощание. Но тот на него уже не смотрел, он смотрел на Ольгу, смотрел и думал, как же ему повезло с этой женщиной, и мечтательно улыбался.

5

Она всегда просыпалась рано, Ольга была жаворонком. Это их и отличало друг от друга. Сергей любил поспать, а она уже в пять утра начинала ворочаться и как бы нечаянно задевать его локтями и коленями. Сергей поначалу притворялся, что спит, потом сгребал ее в свои медвежьи объятия и прижимал к себе. Она некоторое время возмущенно трепыхалась, потом затихала.

– Что у тебя сегодня? – спросила она, когда он ее наконец-то отпустил.

– С утра час поработаю, потом лекция для начинающих писателей и заседание общества защиты Экспонатов.

– Будете ругаться?

– Будем.

– Ивана с собой возьми.

– Нет, до такой степени не будем, он же их... Нет, точно не надо. Потом писать не сможет. Будет переживать.

– Зато было бы весело. – Она поднялась и пошла в ванную комнату, и уже оттуда крикнула: – Ты у них спроси, когда они разрешат вам жениться. А то я не Экспонат, у меня нет абонеента на бессмертие.

Он ничего не ответил. Но и не ждала она ответа, просто включила душ, и под монотонный шум воды Сергей опять уснул.

После встречи с будущими писателями Сергей был в хорошем расположении духа ровно до того момента, пока председатель общества по защите Экспонатов не рассказал, что правительство опять не пропустило документ, разрешающий им менять место жительства и заводить семьи. Сотни раз его отправляли на рассмотрение, и постоянно приходил отказ, они даже не меняли аргументацию.

Великие люди не могут принадлежать себе.

Великие люди, ставшие Экспонатом и подписавшие договор, принадлежат государству и не могут принадлежать кому-то в большей степени, а должны принадлежать... и так далее на десятке страниц печатного текста. Сергея тошнило от этого "принадлежать", от корявого и сухого казенного языка. Прошло столько лет со дня первого предложения,

а документ под номером сто двадцать один все еще не был подписан.

Сергей так разволновался, что вечером пришлось зайти к доктору и попросить сделать укол. А потом дома налить себе еще немного, "на два пальца", шотландского виски и залпом выпить. Виски был настоящий, и Сергей расходовал его крайне экономно. Но в этот раз позволил себе такую расточительность.

6

Визит к доктору и небольшая доза алкоголя все же подействовали, уснул он быстро. И снился ему современный мир, дома, дома, дома, зеленые пятна искусственной растительности. крошечные пятна синих лесов. Полей не осталось. Города, небоскребы, как иглы, плоские крыши предприятий, башни корпораций. Конвейеры. И мировой музей, он занимал довольно большую площадь, но отставал от своего современного соседа по росту. На этой территории не было небоскребов, каждый период старались воссоздать в том виде, какой он имел при жизни его Экспонатов. Считалось, что им повезло. Бессмертие и омоложение настолько дорогие процедуры, что их могут проводить только на государственном уровне, простым жителям они недоступны. Единственный шанс – это стать легендой еще при жизни и тебе не дадут умереть. Есть только одна проблема: у Экспоната согласия не спрашивают. Ведь юридически он не человек, а достояние государства. А как человек он всё, умер.

– Если бы был выбор, я бы отказался, – сказал он в пустоту.

И из пустоты ответили:

– Мы знаем.

Сергей огляделся по сторонам. Он находился на опушке леса, нормального зеленого леса, как раньше, а напротив него стоял высокий стройный мужчина с усами и густой шевелюрой. Сергей его узнал – как можно не узнать самого себя, только совсем еще молодого? Таким его изображали на тыльной стороне книг, его первых книг.

– Кто ты? – Сергей не испугался, он понимал, что это сон и принимал правила игры.

– Я тот, кого вы постоянно ищете и даже думаете, что нашли.

– Бог, что ли?

– А вы разве его ищете?

– Ну, вроде бы как.

– Вы его не ищете, вы его создаете под себя. У вас же нет одинаковых богов. Посади рядом двух верующих одной конфессии, и они все равно поссорятся. Каждый создает бога под себя и под свои грехи. И каждый выставляет своего бога как нечто верховное и возвышенное.

– Так выходит, что бога нет?

Молодой Сергей засмеялся, звонко, искренне, до слез.

– Какие же вы, люди, категоричные. Бог есть, и помимо Бога еще много тех, о ком вы даже не догадываетесь. Твоя

книга?

В руке молодого Сергея появилась книга в твердом переплете, по обложке было видно, что она из новонаписанных. Сергей взял ее, открыл. Все как положено: издательство, ISBN... Поднес к лицу. Запах. Ему всегда нравился запах книг.

– Моя, конечно, здесь же написано.

– И ты правда веришь в то, что написал?

– Как один из вариантов. В моем положении есть плюс: для человека я очень долго живу, многое помню, да и все данные есть в Сети. Сколько лесов, полей, живых существ было тогда, а сколько теперь. Сколько отходов и натуральных удобрений, сколько покойников предавали земле. Планета росла из-за нас, на нас, а сейчас мы ее обдираем, слой за слоем, она уменьшается и тоже из-за нас. Да, я предположил, что нас не простят и, как вижу, был прав. Эта шутка с кислородом – твоя? Это ты нас наказываешь?

– Как я наказываю, вы можете узнать у динозавров или у других, живших до вас. Правда, от некоторых даже и следа не осталось. Так что это не наказание, а предупреждение.

– А ко мне какие вопросы? Я же Экспонат. Я себе не принадлежу. У меня даже запой и тот по согласованию.

– Неправда. Ты писатель, хороший писатель. И даже когда ты играешь роль писателя, то не становишься хуже. Любое твоё произведение – это возможность для каждого человека поверить, возможность убежать, возможность мечтать.

Ты убираешь рамки, и люди уходят в твои миры и часто не хотят возвращаться – это то, что в данный момент им нужно. И я просто хотел с тобой познакомиться, вот так, лицом к лицу, поговорить, подготовить. Завтра к тебе придут. У тебя будет выбор. Но я знаю, что именно ты выберешь.

7

Он проснулся еще до будильника и сел писать. Это был роман-ухрония, этакая утопическая реконструкция истории, о Земле с зелеными лесами и полями, с настоящей травой, с цветами и пчелами, комарами и мышами. С кислородом, так необходимым для жизни. Он писал фантастику для современных людей, описывая тот мир, в котором когда-то жил сам, и в котором могли бы жить и они. И так увлекся, что не заметил, как погасла зеленая лампочка и загорелась красная, он писал от души, как раньше.

Из этого состояния его вывел звонок домофона. Он поднял голову, и тотчас развернулась голограмма. На него смотрел невысокий полный человек в светлой рубашке, демократичных джинсах и легких мокасинах. Дорогая кислородная маска, седые волосы зачесаны немного набок. Сергей его узнал, но даже если бы никогда не видел, то понял бы, что пожаловал человек, облеченный большой властью. Таких людей выдают глаза. В руках у седого был большой пакет, и он очень бережно прижимал его к груди.

– Сергей, извини, что без предупреждения. Позволишь зайти?

Сергей молча вышел в коридор, не стал играть в прошлое и доставать ключ – просто прижал левую руку к замку, и чип открыл его.

Седой вошел, смешно просеменил в комнату и поставил сверток посередине. Только потом вернулся и протянул руку Сергею:

– Ну, здравствуй. Представляться не надо?

– Нет, Николай, не надо.

– Ну и хорошо. – Николай снял маску и дружески улыбнулся Сергею. – Вот и встретились, давно хотел.

– Да бог хотения не дал, – вспомнилось Сергею старое выражение.

– Да, наверное, так и есть. Поговорим?

– О чем может говорить Президент и Экспонат?

– Я не Президент, я всего лишь управляющий некоторыми корпорациями.

Сергей кивнул, соглашаясь. Хочет человек себя так позиционировать, его право. Все знали, кем является Николай. И то, что он приехал к нему лично, не радовало, а настораживало.

Сергей прошел в гостиную, открыл бар.

– Выпьешь?

– Немного виски, но из холодильника.

Сергей закрыл бар и открыл маленький холодильник. Достал початую бутылку того самого шотландского виски. Хранил он его долго и употреблял крайне редко.

– Следите? – спросил он.

– Ни к чему. Помнишь рассказ про возвращение Алекса? Ты же не так давно его написал. У него кают-компания на корабле списана с твоей гостиной, почти один в один. И в холодильнике внизу, при минимальной температуре, Алекс держал бутылку шотландского виски. Я просто угадал, вот она.

Николай подвинул стаканы, и Сергей налил. Ему начала нравиться простота этого мужика с большой властью и большими деньгами, даже если он и играл... хотя нет, так играть невозможно, да плевать. Он нравился Сергею, после минуты общения с такими людьми приходит чувство, что ты встретил старого друга. А Сергей давно не встречал новых-старых друзей, пусть будет хоть такой.

После второй порции виски разговор пошел быстрее и легче. Говорили обо всем: о литературе, о спиртных напитках, о старом кино. Для своего возраста Николай хорошо разбирался в прошлом кинематографа.

– Сейчас поедem ко мне и устроим просмотр фильмов двадцать первого века, – решительно заявил он и хлопнул ладонью по столу. – У меня шикарная коллекция в оригинале.

– Ты зачем приехал? – спокойным голосом остудил его пыл Сергей. – Дело какое?

Николай помрачнел, подошел к пакету и достал книгу.

– Твоя. – Кинул на стол. Не спросил, просто констатировал факт.

– Ну ты же видишь, зачем спрашиваешь?

– Знаешь, когда я ее первый раз прочитал, то в душе осадочек остался. Думал, что надо к тебе заехать и поспорить, но не решился.

– С чего это ты такой нерешительный?

– Постеснялся, – ответил Николай и, увидев недоверчивый взгляд Сергея, продолжил: – Да, постеснялся, ты же великий писатель, я твоими книжками в юности зачитывался. Когда отец меня привез на тебя посмотреть, я потом целую ночь плакал, так мне тебя жаль было. И жалко, и радостно, что ты все еще здесь, и я тебя увидел. А вот прийти не решился.

– Так что книга?

– Осадочек, говорю, остался. Как же, ведь люди – это венец эволюции, а тут ты пишешь, что мы нужны природе, планете совершенно для других целей. Ну прочитал и отложил, почти забыл, и вдруг является ко мне молодой Я. Нет-нет, я с ума не сошел: именно я, только молодой, во сне, и все объясняет, раскладывает по полочкам и в пример ставит твою книгу.

Сергей встал, открыл бар, позвенел бутылками.

– Да сядь ты, не мельтеши, у нас же еще есть, а я сейчас закончу. Так вот, поначалу я подумал, что перетрудился. А он продемонстрировал, что не шутит. На следующий день показатель углекислого газа в воздухе возрос почти до критической отметки, но через день упал на предыдущий уро-

вень. Демонстрация весьма убедительная. А я не хочу быть убийцей, даже в том случае, если об этом никто и не узнает. Ведь у меня дети и внуки. Я хочу, чтобы все жили. В общем, я испугался, ну и сделал кое-какие изменения.

– Какие изменения? В чем?

– Для автора таких книг ты очень немногословен в быту. Мы очищаем площадки для лесов и полей, убираем платформы с поверхности океана, или того что от них осталось. Все нужные цифры у меня дома. Там определенный процент площади под леса, определенный под поля и реки, процент живых существ, плюс надо открыть нормальные кладбища, чтобы предавать людей земле – для тех, кто захочет, конечно, – остановить переработку листовки и там по мелочи еще некоторые вопросы по отходам.

– И ты это сделаешь?

– Сделаем, – поправил его Николай, – вместе сделаем. Твоя книга, которую ты сегодня начал писать, сработает как триггер, как спусковой крючок для людей. Твое мастерство выведет людей на улицу и приведет к моим зданиям с требованиями перемен, ну а перемены я уже начал. Они пока незаметны, и придется пройти длинный путь согласований и договорится с несогласными, и вот тут сыграет свою роль моя власть и мое влияние. Думаю, что настоящему Президенту придется со мной согласиться.

– А ты уверен, что все получится?

– А ты посмотри.

Николай встал, подошел к своему свертку и аккуратно развернул то ли штору, то ли скатерть. Сергей онемел – на полу стоял цветочный горшок с алоэ, самым настоящим зеленым алоэ. Он подошел, встал перед ним на колени и понюхал: пахло сырой землей и настоящей зеленью, ее ни с чем не перепутаешь.

– А ты знаешь, почему алоэ?, – спросил Николай, и сам же ответил: – Потому что это растение вырабатывает кислород даже ночью. Так что да, я уверен.

– С ума сойти. – Сергей так и остался на коленях.

Николай подошел и сел рядом.

– Ну что, ты мне поможешь? Спасем планету вдвоем, как в твоих книгах. Так хочется, чтобы как в твоих книгах.

– Он тебе озвучил мое желание?

– Говори.

– Сто двадцать первый, его надо подписать.

– И?..

– И... я допишу этот роман, и он будет хороший, но он будет последним, написанным в роли Экспоната, а потом ты меня отпустишь.

– Совсем?

– Совсем. Никакого продления у доктора, я хочу прожить оставшиеся годы сам, со своими воспоминаниями. Где-нибудь в тишине. Я заслужил.

– Я такого ждал и боялся. Хотя и из этого можно извлечь выгоду: твое загадочное исчезновение подогреет интерес к

твоему наследию.

– Именно. Хорошее название: "Наследие". По рукам?

– Ладно, по рукам. Но с тобой все ясно, отпущу, а вот со сто двадцать первым придется повозиться. Диалог начнем и придем к решению, но мгновенного результата я тебе не гарантирую.

– Главное начать, а там пойдет. – Сергею нравилось, что Николай говорит правду, ведь мог просто пообещать.

– Так поехали.

– Куда? – не понял Сергей.

– Как – куда? Мы же собрались ко мне, кино смотреть. Правда, давай еще выпьем, виски отличный.

– Тебе сколько лет? – не выдержал и все же спросил Сергей.

– Шестьдесят три настоящих года. Не бойся, еще лет шестьдесят у меня точно есть.

– Успеешь?

– Успею. А не успею, так продлю. – Николай улыбнулся. – Уж это-то я могу себе позволить.

Они, как выпившие подростки, спускались по лестнице, стараясь не шуметь. Некоторые Экспонаты еще работали. Возле двери Ивана Сергей остановился и подошел ближе, прислушиваясь.

Изнутри доносилась неразборчивая речь поэта. Сегодня у него "квартирник".

– Хочешь и его забрать? – дыхнул Николай на Сергея ал-

коготными парами. – Давай, я сегодня добрый.

– Нет, он здесь счастлив, он только жить начал. Там, в прошлом, какая у него жизнь была? Не было у него жизни.

Эпилог

Осень оголила деревья, они еще не подросли, и слой па-лой листвы был не особо толстым. По этому разноцветному ковру бежал мальчик. Следом шли родители, молодая пара, тихо беседуя о чем-то своем.

– Смотрите, я спрятался! – Мальчишка нырнул в молодой ельник, еловые лапы зашуршали по куртке и скрыли ребенка.

Молодой человек улыбнулся и, повернувшись, помахал рукой сидящему на крыльце дома крепкому старику.

– Папа, смотри, как Алешка разыгрался на свежем воздухе!

Старик не ответил, он молча смотрел на носящегося по листве ребенка, на лес, на сочную зелень елок и желтизну листвьев. Редкие непрошенные слезы стекали по его щекам и исчезали в глубоких морщинах. Сергей их не замечал, он был счастлив. Как может быть счастлив человек, который прожил три интересные жизни. Который знает, что скоро встретится со всеми теми, кого уже давно нет, и о ком он не забывал все эти долгие годы. Сергей сидел один, и что-то вполголоса говорил, о чем-то просил и за что-то кого-то благодарил.

Он-то точно знал, что его слышат.

